

УДК 94 (470+571): (477.5) "17"

НАШЕСТВИЯ САРАНЧИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XVIII в.: СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2014 г.

О.В. Воловик

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина

volovik-olga@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.07.2014

Рассматривается проблема влияния нашествия саранчи на социально-экономическую и политическую жизнь Восточной Европы на основе широкого круга архивного материала и воспоминаний современников. Особое внимание уделено влиянию нашествия саранчи на обеспечение воинских команд на территории Левобережной Украины.

Ключевые слова: голод, засуха, саранча, стихийное бедствие, хлеб, продовольствие, налоги, Восточная Европа.

С давних времен саранча была угрозой для человечества, а из-за огромных убытков, которые она наносила сельскому хозяйству называли ее «седьмая кара небесная». Первое упоминание о нашествии саранчи датируется 1490 г. до Р.Х. [1, с. 17]. Данная проблема нашла свое отражение даже в Библии: «Я наведу саранчу на (всю) твою область: она покроет лицо земли так, что нельзя будет видеть земли, и поест у вас все, что осталось (на земле), уцелевшее от града; объест также все деревья, растущие у вас в поле» [2, с. 111].

Проблема борьбы с саранчой была актуальной как для давних времен, так остается таковой и в современном мире. Однако в историографии отсутствуют труды, посвященные влиянию нашествий саранчи на жизнедеятельность общества. Некоторое исключение составляют отдельные обобщающие обзоры или локальные работы, посвященные стихийным бедствиям в целом или же анализу причин неурожая [3–5]. В отдельную группу следует выделить работы биологов, которые занимались исследованием структуры и строения тела вредителей [1, 6, 7].

Среди природно-климатических условий наибольшее влияние на распространение вредителей имеют температурные показатели воздуха. Связь перелетов саранчи с метеорологическими условиями убедительно показывает, что саранча появлялась преимущественно в жаркое и сухое лето [7, с. 98]. Особенно ситуация осложнялась, когда несколько стихийных явлений совпадало во времени или же действовало несколько лет подряд. Таким ужасным периодом стала середина XVIII в. Жарким летом 1747 г. саранча пришла на территорию Киевского полка, а в следующем году уже расплодилась «в

таком множестве, что еще будучи пешею закрывала все поля» [1, с. 495]. В Изюмском уезде «за безмерною сушей учинился недород, а где и был всход, там саранчею поедено без остатка». Неурожай повторился в 1749 г., охватив еще большую территорию и нанеся еще больший ущерб [4, с. 361–362].

На территории России природных очагов распространения саранчовых практически нет. Традиционными путями проникновения вредителей были южные и восточные границы страны [8, с. 86–88]. Из всех регионов Восточной Европы больше всего страдала от саранчи южная часть России, прежде всего территория Левобережной Украины [1, с. 191].

Философия восприятия саранчи как стихийного бедствия базировалась на неотвратимости данного процесса, она воспринималась исключительно как Божья воля, противодействовать которой – грех. Летописец утверждал, будто «письменные люди» видели на крыльшках насекомых надпись русскими буквами: «гнев Божий». «Господь гневаясь на нас за беззаконие наше допустил премногу саранчу»: именно так объясняли в древности нашествия саранчи [9, с. 187]. Соответственно все мероприятия, направленные на борьбу с этим злом, проистекали из мировоззренческих ориентиров тогдашнего общества и в основном сводились к религиозно-обрядовым действиям. Традиционными средствами борьбы было проведение молебнов и крестных ходов в местах распространения стихийных бедствий [10, с. 72]. Не имея действенных мер в борьбе с нашествием, периодически даже правительству приходилось издавать указы о проведении молебнов «для отвращения зла» [11, арк. 3]. Среди других духовно-практи-

ческих мероприятий во время нашествия саранчи следует назвать колокольный звон или благовест, отгоняющий, согласно христианским представлениям, всякую нечисть [12, с. 353]. Архимандрит Киево-Пустынно-Николаевского монастыря в 1778 г. предписывал прогонять летающую саранчу звуком, стуком и дымом [13, арк. 2 зв.]. На первый взгляд странные меры, однако учеными-акустиками в 80-х гг. XX в. было доказано что звуки колокола выделяют резонансное звуковое излучение [14, с. 143], которое действительно отпугивает саранчу [15, с. 7].

Такая константа ментального восприятия саранчи как «Божьей кары» свойственна даже стилю официальной документации. Причина нашествия, по мнению современника, объясняется не иначе как «самым праведным гневом» [10, с. 73]. Нетипичной деловому стилю является оценка возможности повторного нашествия вредителей, когда страх перед угрозой, вероятно, на подсознательном уровне, проявлялся в отчетных документах следующей формулировкой: «от чего Боже сохрани» [16, арк. 4 зв.]. Представление о саранче имело эсхатологический оттенок с характерными чертами мистического восприятия. В частности, известны случаи, когда нашествие саранчи воспринималось как предвестник беды [17, с. 35] и ассоциировалось с приходом вражеских войск [18, с. 160].

Несмотря на все вышесказанное, длительное время проблемы, связанные с саранчой, относились к компетенции местной власти. Данная особенность является вполне оправданной, учитывая неразвитость транспортной инфраструктуры и относительно медленное почтовое сообщение [19]. Как правило, пока рапорты с сообщением о появлении саранчи поступали к высшему руководству, на местах поля уже были опустошенными. В условиях необходимости быстрого реагирования на появление опасного врага местные руководители не могли надеяться на любую действенную мобильную помощь со стороны центральной власти. Да и стоит отметить, что высшее руководство, как правило, перекладывало ответственность на местных чиновников, ограничиваясь указаниями «всеми удобовозможными способами истреблять» [20, арк. 1]. При этом масштабы потерь от саранчи требовали для ее искоренения таких же решительных действий, как и эпидемия чумы [21, с. 212].

До XVIII в. не было конкретного плана действий на случай нашествия, а опыт ведения борьбы с саранчой накапливался эмпирическим путем в течение многих веков. Каких-либо действенных мер в борьбе с летающей саранчой вообще выработать не удалось. В таких услови-

ях правительство могло разве что контролировать последствия, вызванные нашествием вредителей. Только с расширением территориальных границ страны и активизацией внешней политики, в контексте необходимости продовольственного обеспечения войска, вопрос проблемы неурожая, вызванных нашествием саранчи, приобретает государственный характер. К середине XVIII в. накопленный опыт в борьбе с нашествиями вредителей получил свое юридическое оформление. Так, в соответствии с Сенатским указом 1748 г. была издана инструкция, в которой предписывалось окапывать места, где ранее плодилась саранча, рвами, выжигать ее соломой, вытаптывать с помощью скота и применять другие возможные меры для ее искоренения. Предполагалось бороться с этим несчастьем не только крестьянам, но и старшинам и казакам. Наряду с мероприятиями непосредственной борьбы с вредителями с целью недопущения недостатка хлебных запасов был принят ряд других важных решений. Так, запрещалось вывозить на продажу хлеб из пострадавших мест, а также вводился запрет на винокурение в местах, где хлеба совсем не осталось [22, с. 870–871]. Данная инструкция стала своего рода отправной точкой, с которой началось накопление и научное изучение данной проблемы.

Важнейшей функцией государства является фискальная, которая дает системе управления материально-финансовые средства как для содержания самой управленческой структуры, так и на государственно-общественные нужды, включая содержание армии [23, с. 3–4]. Известия о появлении саранчи отразились в государственном делопроизводстве главным образом в связи с невозможностью выполнения определенных повинностей и полноценной выплаты налогов, а не из-за невозможности прокормиться населению. Несмотря на то что в рапортах в связи с нашествием саранчи мы неоднократно видим сообщение: «...тамошние обыватели в крайнешнюю пришли нищету и ходят по миру» [16, арк. 4], данный факт указывается скорее с целью вызвать жалость и сочувствие у руководства, поскольку вслед за информацией о безвыходном положении следует прошение об освобождении от излишней уплаты «порций» и «раций» [24, арк. 11 зв.–12].

После серии голодных лет 1747–1749 гг. по всей территории страны правительству пришлось издать указ об увольнении малороссийских обывателей от безденежного обеспечения полков провиантом и фуражом и от «индукты» на три года [25, с. 4]. Приказ этот остался только на бумаге, так как уже в марте Киевская пол-

ковая канцелярия начала требовать от конси- стории направить сельских уполномоченных для распределения «порционов» и «рационов» на Молдавский драгунский полк и на содержание почтовых станций [23, с. 19].

Летом 1757 г. на Левобережной Украине после засухи и нашествия саранчи хлеб «на всходе пропал». Именно в этот период на территорию должны были вступить полевые и ландмилицкие полки количеством более двадцати. В этих условиях продовольствие военных команд было под угрозой, ведь обыватели не могли прокормить ни себя, ни скот, при этом еще и сено сгорело [24, арк. 26–26 зв.]. В связи с этой «нуждой» Кабинету императрицы было предложено расположить полки вблизи казенных магазинов с той целью, чтобы получать продовольствие из одних мест, а за недостатком или отсутствием – доставлять купленное и поставленное подрядчиками из «состоятельных мест» реками. Вместе с тем войска уже вступили на территорию и требовали обеспечения продовольствием, цена на которое росла. В том же году обыватели Полтавского магистрата обратились к гетману К.Г. Разумовскому с просьбой («рабски просят») о послаблении от «консистентов» и других налогов в наступающую зиму из-за неурожая хлеба и трав [24, арк. 34].

Еще одной угрозой своевременной оплате и содержанию войск были бегства простого населения в связи с отсутствием возможности оплаты налогов из-за неурожая, вызванных нашествием саранчи. Данную позицию подтверждает резкий рост числа побегов крепостных крестьян именно в неурожайные годы [26, арк. 1–52; 27, арк. 1–35; 28, арк. 1–6; 29, арк. 1–8; 30, арк. 1–5; 31, арк. 1–6]. Естественно, что правительство было обеспокоено этой ситуацией, поскольку с бегством крестьян уменьшалось количество рабочих рук, а соответственно, и уменьшались доходы с налогов, в том числе и на нужды армии. Характерной является жалоба жителей села Обухова на невозможность прокормиться в зимнее время из-за неоднократных нашествий саранчи. Ситуацию усугубляла необходимость платить «порции» и «рации», выплата которых еще с прошлого года обременила положение населения. Полковая канцелярия высказала свои опасения, что население «через такую тяготьбу» может убежать в польскую сторону. Особое беспокойство вызывали у власти приграничные территории. Обухов на то время располагался неподалеку от польской границы, которая к тому же не была заперта. Основное требование сводилось к просьбе облегчить положение обывателей путем снижения числа выплачиваемых и поставляемых «порций» и «ра-

ций» [16, арк. 1, 4 зв.]. По мнению местных чиновников, самой эффективной мерой для предупреждения подобных проявлений было бы полное освобождение от этих повинностей. С этой целью предлагалось отменить ежегодные сборы в 300 рублей, «дабы Ея Императорского Величества подданные не могли побежать в польскую область». Кроме этого рекомендовалось на три года освободить население как от денежной, так и натуральной повинности [16, арк. 5].

Сообщение о бегствах населения мы наблюдаем и в дальнейшем. Вполне понятно, что жители, у которых посеы пострадали от нашествия саранчи, уходили на заработки в другие места, «где тот сараны меньше извелось» [32, арк. 1]. В 1780 г. население начало от голода расходиться в неизвестном направлении. В связи с этим поступила просьба установить облегчение от указанных налогов [24, арк. 11–12 зв.]. Известны случаи, когда на местном уровне руководство рекомендовало канцелярии не оказывать давления на тех поселян, которые будут приходить для прокормления из уездов, пораженных нашествием саранчи [33, арк. 5–7 зв.].

В последнюю очередь заботило правительство обеспечение населения продовольствием в неурожайные годы. Содержание полков ложилось тяжелым бременем на плечи простых обывателей, поскольку довольно часто войска получали провиант и фураж натурой по квитанциям, а оплаты за это проведено не было [24, арк. 23]. Случалось, что полки вносили «порции» и «рации» гораздо большим числом, чем было положено. В 1758 г. шестая рота Сибирского полка, что остановилась в одной из сотен Нежинского полка, требовала провианта «не на указанную меру». В условиях неурожая, не имея своего пищевого довольствия, командование роты заставляло население закупать провиант и фураж, а на каждую «рацию» выставлять по три рубля [34, арк. 2–3 зв.]. Учитывая тот факт, что цены на хлеб в годы нашествия вредителей поднимались [24, арк. 23], простых обывателей это ставило на грань выживания. Задержка в снабжении войск продовольствием провоцировала рост конфликтных ситуаций с местным населением. В такие периоды процесс получения провизии от населения чаще обычного сопровождался побоями [34, арк. 12], грабежами [35, арк. 1–7], кражей сена и продуктов питания [36, арк. 5], изнасилованием женщин [37, арк. 7] и т.д.

Основное бремя в борьбе с нашествием саранчи ложилось на плечи общины и ее обывателей. Именно благодаря усилиям простых людей проводилась львиная доля работы по недопущению повторного вырождения отложенных

личинок насекомых. Получив сообщение о появлении саранчи, крестьяне собирались миром и били в барабаны, в котлы, сковороды, в медную посуду, звонили в колокола и стреляли, отпугивая таким образом насекомых, которые при этом меняли направление своего движения [12, с. 353]. Меры, направленные на ликвидацию саранчи, которая еще не расплодилась (до вылупления личинок), сводились к перепашке земли с целью искоренить их семьи [38, арк. 1–1 зв.]. «Работным людям» приказано было ходить вслед за плугом и с земли «пущенную» искоренять [39, арк. 31 зв.]. К этому процессу активно приобщали домашний скот, в частности лошадей и свиней, которые вытаптывали землю под ними [38, арк. 22]. Параллельно на тех местах вырывали рвы [40, арк. 27], загоняли метлами [41, арк. 1] туда саранчу, а дальше выжигали огнем навоз и солому в местах залегания личинок, и закапывали рвы [40, арк. 27]. При отмирании их скоплений в воздухе распространялся такой тяжелый смрад, который «поражал не только нос, но и мозг» [42, с. 88], что способствовало распространению инфекционных и других заболеваний [43, арк. 1]. Спасаясь от вони, люди лопатами стребали насекомых и выбрасывали их в реки. Иногда на поля загоняли свиней, которые не просто вытаптывали, но и пожирали саранчу, которая еще не в состоянии была летать. Если учитывать тот факт, что личинки насекомых богаты белками и углеводами (сушеная или вяленая саранча до сих пор употребляется в арабской кухне: по оценкам современных любителей гастрономической экзотики, – хорошая закуска к пиву), данные меры были результативными.

Вполне очевидно, что для понимания дальнейших действий руководство со временем стало задаваться вопросом: на какое расстояние залегла саранча и «испускает ли семя» [44, арк. 1; 20, арк. 1]. Действительно, в случае когда саранча залетала на определенную территорию и уничтожала посевы, основной вопрос следующей весны – возродилась ли она или исчезла, а если возродилась, то в каких местах, в каком количестве и на какой площади. Когда несколько лет подряд в уездах Царичанской канцелярии саранча уничтожала посевы, то в последующие годы с целью недопущения подобной опасности («может где-нибудь позимела») приказывали «изыскать метлы», и если вредители появятся, то обязательно доложить, в каких именно урочищах, с указанием расстояний до них [45, арк. 1]. Следовательно, мы можем говорить уже о появлении предупредительных мер для преодоления стихийного бедствия.

Убытки от нашествия саранчи заставляли правительство брать под особый контроль на

местах деятельность чиновников по преодолению последствий нашествия. В силу того обстоятельства, что очерченная территория была главным поставщиком продовольствия для военных команд Российской империи, в условиях стихийного бедствия характерным явлением становилось соответственно увеличение контроля над экономическими ресурсами губерний. В местах, где побывала саранча, необходимо было указать места, где хлеб несобраный, и приложить все возможные усилия для его сбора. Известен случай, когда на протяжении 134 км не только весь хлеб на корню, но и кора деревьев были съедены саранчой [46, с. 459–460]. Потери озимого хлеба в Киево-Выдубицком монастыре в 1748 г. составляли 82%, ярового – 100%; уничтожено травы – 88%, на крестьянских полях соответственно 73%, 97% и 82% [47, с. 7]. Отдельным вопросом стояло заведение и содержание запасных хлебных магазинов, и соответственно следовало предусмотреть – сколько «на лицо хлеба» и какого именно [32, арк. 1 зв; 33, арк. 5]. Императорским указом от 7 августа 1780 г. предписано было во всех государственных и помещичьих поселениях земским комиссарам и надзирателям лично проконтролировать и описать «без прибавки по самой истине»: насколько убытков от саранчи причинено жителям; а также на какую сумму казенные и партикулярные поселения понесли убытки от ожидаемой прибыли [48, арк. 1]. Сложность расчета точных данных относительно объемов потерь на местах заключалась либо в отсутствии владельцев имений на местах, либо в отказе их подавать сведения, объясняя это тем, что они сами в состоянии прокормить своих людей зимой [49, арк. 1]. Очевидно, владельцы хозяйств, в силу определенных обстоятельств, просто не хотели обнародовать объемы запасов своего хозяйства. Ведь, как правило, уцелевший хлеб приказано было собирать в запасные магазины [48, арк. 1]. Благодаря комплексу подобных мероприятий происходило накопление статистического материала, что собственно и составило источниковую базу научного исследования данной проблемы.

Таким образом, исследование нашествий вредителей позволяет нам подтвердить тезис о том, что появление саранчи, как правило, совпадало с засушливыми летними периодами. Украинские земли Российской империи в течение XVIII в., по нашим подсчетам, около 26 лет подвергались нашествию саранчи. Как следствие, это вело к полному уничтожению урожая, что в свою очередь ставило под угрозу вопросы содержания воинских частей на пострадавшей территории. Эта проблема тянула за собой ухудшение положения населения настолько, что

заставляла людей искать альтернативные пути заработка в других местах и провоцировало бегство за пределы региона и даже страны. Осознание реальной угрозы и масштаба потерь от нашествий саранчи сформировало у руководства страны понимание необходимости выработки и углубления научных знаний по данной проблеме. Все это происходило на фоне общего развития научных знаний, обусловленного волной просветительских идей. Происходила ориентация на обобщение знаний путем процесса накопления и анализа доступного статистического и биологического материала. Юридически оформляются методы и меры борьбы с саранчой. Появляется новая структурная единица в системе губернского управления – врачебная управа, которая наряду с медико-санитарными функциями активно включается в процесс борьбы с саранчой.

Список литературы

1. Кеппен Ф.П. О саранче и других вредных прямокрылых из сем. Acridodea преимущественно по отношению к России // Труды Русского энтомологического общества. 1870. Т. 5. С. 1–352.
2. Библия или книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Синодальная типография, 1896. 1560 с.
3. Багалея Д.И. Стихийные бедствия в старину // Исторический вестник. Т. 47. 1892. С. 177–195.
4. Борисенков Е.П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 524 с.
5. Словцов Н. Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России // Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделением Императорского Русского Географического общества. СПб., 1858. Кн. III.
6. Волков А.И. Саранчевые и меры борьбы с ними. М.: ОГИЗ. Сельхозгиз, 1948. 79 с.
7. Щербиновский Н.С. Пустынная саранча шитцерка. М.: Сельхозгиз, 1952. 416 с.
8. Фокін А.В. «Історія запорізьких козаків» Д.І. Яворницького як джерело про спалахи чисельності сарани в Україні // Вісті Харківського ентомологічного товариства. 2009. Т. 17. Вип. 12. С. 86–88.
9. Крип'якевич І. Саранча на Україні в XVIII ст. // Вісник природознавства 1928. № 34. С. 183–192.
10. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Изд. 1–е. Т. 1–28. СПб., 1830. Т. 13. № 9624.
11. Центральний державний історичний архів в м. Києві (далее – ЦДІАК). Ф. 59. Оп. 1. Спр. 9680.
12. Юст Ю. Записки Юста Юля, датскаго посланника при Петре Великом (1709–1711) / Пер с дат. Ю.Н. Щербачев. М.: Университетская типография, 1899 (обл. 1900). 598 с.
13. ЦДІАК. Ф. 131. Оп. 30. Спр. 535.
14. Нюнин Б.Н. Расчетно-экспериментальное исследование виброакустических характеристик старых русских колоколов // Музыка колоколов: Сб. исследований и материалов / Сост. и отв. ред. А.Б. Никаноров. СПб.: РИИИ, 1999. С. 142–146.
15. Курочкін О. Церковні дзвони «глас Божий» (Церковні дзвони у звичаях і фольклорі українців) // Берегиня. Всеукраїнський народознавчий кварталник. 2010. № 4 (67). С. 510.
16. ЦДІАК. Ф. 59. Оп. 1. Спр. 1588.
17. Величко С.В. Літопис. Т. 1. / Відп. ред. О.В. Мишанич. К.: Дніпро, 1991. 371 с.
18. Крман Даніел. Подорожній щоденник (Itinerarium 1708–1709). К.: Вид. центр «Просвіта»; видво ім. Олени Теліги, 1999. 160 с.
19. Воловик О.В. Вплив природнокліматичних умов на стан шляхів сполучення в Російській імперії XVIII ст. // Дні науки історичного факультету: Матеріали VI Міжнар. наук. конф. молодих учених. Вип. 5. К., 2012. С. 12–13.
20. ЦДІАК. Ф. 2164. Оп. 1. Спр. 3620.
21. Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків в 3 томах / Відп. ред. П.С. Сохань. К.: Наукова думка, 1990. Т. 2. 560 с.
22. ПСЗ. Изд. 1–е. Т. 1–28. СПб., 1830. Т. 12. № 9507.
23. Мордвинцев В.М. Государственные налоги и повинности монастырских крестьян Левобережной Украины в XVIII веке. К.: Знання, 1998. 184 с.
24. ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 14593.
25. ПСЗ. Изд. 1–е. Т. 1–28. СПб., 1830. Т. 13. № 9572.
26. ЦДІАК. Ф. 1725. Оп. 1. Спр. 197.
27. ЦДІАК. Ф. 1725. Оп. 1. Спр. 216.
28. ЦДІАК. Ф. 1989. Оп. 1. Спр. 140.
29. ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 9680.
30. ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 9906.
31. ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 9885.
32. ЦДІАК. Ф. 1709. Оп. 2. Спр. 111.
33. ЦДІАК. Ф. 1709. Оп. 2. Т. 1. Спр. 20.
34. ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 1. Спр. 15076.
35. ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 12433.
36. ЦДІАК. Ф. 130. Оп. 2. Спр. 111.
37. ЦДІАК. Ф. 59. Оп. 1. Спр. 4549.
38. ЦДІАК. Ф. 108. Оп. 2. Спр. 510.
39. ЦДІАК. Ф. 1709. Оп. 2. Спр. 161.
40. ЦДІАК. Ф. 1958. Оп. 1. Спр. 721.
41. ЦДІАК. Ф. 2164. Оп. 1. Спр. 294.
42. Боплан Гійом Левассер де. Опис України / Пер. з фр., примітки та передмова Я.І. Кравця. Л.: Каменяр, 1990. 301 с.
43. ЦДІАК. Ф. 2164. Оп. 1. Т. 1. Спр. 324.
44. ЦДІАК. Ф. 2164. Оп. 1. Спр. 1875.
45. ЦДІАК. Ф. 2164. Оп. 1. Спр. 3979.
46. Эребо Р. Выдержки из автобиографии Расмуса, касающиеся трех путешествий его в Россию // Чтения в

Императорском обществе истории и древностей российских, 1899. Кн. 3 (190). Отд. 3. С. 459–460.

47. Мордвинцев В.М. Сельское хозяйство в монастырских вотчинах Левобережной Украины в XVIII

в. К.: ООО «Международное финансовое агентство», 1998. 46 с.

48. ЦДИАК. Ф. 2164. Оп. 1. Спр. 562.

49. ЦДИАК. Ф. 2164. Оп. 1. Т. 1. Спр. 606.

LOCUST INVASIONS IN EASTERN EUROPE DURING THE 18th CENTURY: SPECIFICS OF PERCEPTION, ECONOMIC AND SOCIOCULTURAL CONSEQUENCES

O.V. Volovik

Based on a wide range of archival materials and contemporaries' memoirs, the paper considers the effects of the invasion of locusts on the socio-economic and political life of Eastern Europe. Special attention is paid to the influence of the disaster on the provision of military units in the territory of Left-Bank Ukraine.

Keywords: famine, drought, locusts, natural disaster, bread, food, taxes, Eastern Europe.

References

1. Keppen F.P. O saranche i drugih vrednyh pryamokrylyh iz sem. Acridodea preimushchestvenno po otnosheniyu k Rossii // Trudy Russkogo ehntomologicheskogo obshchestva. 1870. T. 5. S. 1–352.

2. Bibliya ili knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethago i Novago Zaveta. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1896. 1560 s.

3. Bagalej D.I. Stihijnye bedstviya v starinu // Istoricheskij vestnik. T. 47. 1892. S. 177–195.

4. Borisenkov E.P. Tysyacheletnyaya letopis' neobychajnyh yavlenij prirody. M.: Mysl', 1988. 524 s.

5. Slovcov N. Istoricheskoe i statisticheskoe obozrenie neurozhaev v Rossii // Sbornik statisticheskikh svedenij o Rossii, izdavaemyj statisticheskim otdeleniem Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. SPb., 1858. Kn. III.

6. Volkov A.I. Saranchevye i mery bor'by s nimi. M.: OGIZ. Sel'hozgid, 1948. 79 s.

7. Shcherbinovskij N.S. Pustynnaya sarancha shistocerka. M.: Sel'hozgid, 1952. 416 s.

8. Fokin A.V. «Istoriya zaporiz'kih kozakiv» D.I. Yavornic'kogo yak dzherelo pro spalahi chisel'nosti sarani v Ukraini // Visti Harkivs'kogo entomologicheskogo tovaristva. 2009. T. 17. Vip. 12. S. 86–88.

9. Krip'yakevich I. Sarancha na Ukraini v XVIII st. // Visnik prirodnavstva 1928. № 34. S. 183–192.

10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (dalee – PSZ). Izd. 1–e. T. 1–28. SPb., 1830. T. 13. № 9624.

11. Central'nij derzhavnij istorichnij arhiv v m. Kievi (dalee – CDIAK). F. 59. Op. 1. Spr. 9680.

12. Yust Yu. Zapiski Yusta Yulya, datskago poslanika pri Petre Velikom (1709–1711) / Per s dat. Yu.N. Shcherbachev. M.: Universitetskaya tipografiya, 1899 (obl. 1900). 598 s.

13. CDIAK. F. 131. Op. 30. Spr. 535.

14. Nyunin B.N. Raschetno-ehksperimental'noe issledovanie vibroakusticheskikh harakteristik staryh russkikh kolokolov // Muzyka kolokolov: Sb. issledovanij i materialov / Sost. i otv. red. A.B. Nikanorov. SPb.: RIII, 1999. S. 142–146.

15. Kurochkin O. Cerkovni dzvoni «glas Bozhij» (Cerkovni dzvoni u zvichayah i fol'klori ukraïnciv) // Bereginya. Vseukraïns'kij narodoznavchij kvartal'nik. 2010. № 4 (67). S. 510.

16. CDIAK. F. 59. Op. 1. Spr. 1588.

17. Velichko S.V. Litopis. T. 1. / Vidp. red. O.V. Mishanich. K.: Dnipro, 1991. 371 s.

18. Krman Daniel. Podorozhnyj shchodennik (Itinerarium 1708–1709). K.: Vid. centr «Prosvita»; vidvo im. Oleni Teligi, 1999. 160 s.

19. Volovik O.V. Vpliv prirodoklimaticnih umov na stan shlyahiv spoluchennya v Rosijs'kij imperii XVIII st. // Dni nauki istorichnogo fakultetu: Materiali VI Mizhnar. nauk. konf. molodih uchenih. Vip. 5. K., 2012. S. 12–13.

20. CDIAK. F. 2164. Op. 1. Spr. 3620.

21. Yavornic'kij D.I. Istoriya zaporoz'kih kozakiv v 3 tomah / Vidp. red. P.S. Sohan'. K.: Naukova dumka, 1990. T. 2. 560 s.

22. PSZ. Izd. 1–e. T. 1–28. SPb., 1830. T. 12. № 9507.

23. Mordvincev V.M. Gosudarstvennye nalogi i povinnosti monastyrskih krest'yan Levoberezhnoj Ukrainy v XVIII veke. K.: Znannya, 1998. 184 s.

24. CDIAK. F. 51. Op. 3. Spr. 14593.

25. PSZ. Izd. 1–e. T. 1–28. SPb., 1830. T. 13. № 9572.

26. CDIAK. F. 1725. Op. 1. Spr. 197.

27. CDIAK. F. 1725. Op. 1. Spr. 216.

28. CDIAK. F. 1989. Op. 1. Spr. 140.

29. CDIAK. F. 51. Op. 3. Spr. 9680.

30. CDIAK. F. 51. Op. 3. Spr. 9906.

31. CDIAK. F. 51. Op. 3. Spr. 9885.

32. CDIAK. F. 1709. Op. 2. Spr. 111.

33. CDIAK. F. 1709. Op. 2. T. 1. Spr. 20.

34. CDIAK. F. 51. Op. 1. Spr. 15076.

35. CDIAK. F. 51. Op. 3. Spr. 12433.

36. CDIAK. F. 130. Op. 2. Spr. 111.

37. CDIAK. F. 59. Op. 1. Spr. 4549.

38. CDIAK. F. 108. Op. 2. Spr. 510.

39. CDIAK. F. 1709. Op. 2. Spr. 161.

40. CDIAK. F. 1958. Op. 1. Spr. 721.

41. CDIAK. F. 2164. Op. 1. Spr. 294.

42. Boplan Gijom Levasser de. Opis Ukraïni / Per. z fr., primitki ta peredmova Ya.I. Kravcya. L.: Kamenyar, 1990. 301 s.
43. CDIAK. F. 2164. Op. 1. T. 1. Spr. 324.
44. CDIAK. F. 2164. Op. 1. Spr. 1875.
45. CDIAK. F. 2164. Op. 1. Spr. 3979.
46. Ehrebo R. Vyderzhki iz avtobiografii Rasmusa, kasyushchiesya trekh puteshestvij ego v Rossiyu // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih, 1899. Kn. 3 (190). Otd. 3. S. 459–460.
47. Mordvincev V.M. Sel'skoe hozyajstvo v monastyrskih votchinah Levoberezhnoj Ukrainy v XVIII v. K.: OOO «Mezhdunarodnoe finansovoe agentstvo», 1998. 46 s.
48. CDIAK. F. 2164. Op. 1. Spr. 562.
49. CDIAK. F. 2164. Op. 1. T. 1. Spr. 606.